

**РАЗМКНУТАЯ МОДЕРНОСТЬ:
КОММУНАЛЬНАЯ АВАРИЯ В СЕНСОРНОМ ЛАНДШАФТЕ
СЕВЕРНОГО ПОСЕЛКА ГОРОДСКОГО ТИПА**

Анастасия Игоревна Карасева

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
Тюменский государственный университет
6 Володарского ул., Тюмень, Россия
akarasyova@eu.spb.ru

А н н о т а ц и я: В статье предлагается анализ масштабной коммунальной аварии в поселке городского типа в Магаданской области, произошедшей на рубеже 1993–1994 гг., с позиций антропологии чувств. Материалом послужили публикации в локальной прессе 1993–1994 гг. и устные истории об аварии, собранные в 2015 г. Опираясь на теоретические подходы М. Тауссига и К.-Н. Сереметакис, автор утверждает, что в трансформированном аварийей сенсорном ландшафте изменилась работа современной «нервной системы», завязанной на относительно стабильное функционирование водопровода, канализации и системы отопления. В новом ландшафте не работали привычные различения значимой и незначимой сенсорной информации, рутинные полуавтоматические действия больше не подходили для решения повседневных бытовых задач, а предметами полисенсорных обменов стали необычные для доаварийных условий вещества. Анализируются также интерпретации этих изменений жителями поселка.

К л ю ч е в ы е с л о в а: модернизм, Магаданская область, инфраструктура, аварии, ЖКХ, сенсорный обмен.

Б л а г о д а р н о с т и: Статья подготовлена благодаря участию автора в проекте «Российские гавани Трансарктической магистрали: Пространства и общества арктического побережья России накануне новой эпохи развития Северного морского пути» (грант №33.2257.2017/ПЧ Мин. образования и науки РФ).

Д л я с с ы л о к: Карасева А. Разомкнутая модернизм: коммунальная авария в сенсорном ландшафте северного поселка городского типа // Антропологический форум. 2018. № 38. С. 122–146.

d o i: 10.31250/1815-8870-2018-14-38-122-146

U R L: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/038/karaseva.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2018, NO. 38

**MODERNITY UNPLUGGED: THE FAILURE OF PUBLIC UTILITIES
IN THE SENSORY LANDSCAPE OF THE NORTHERN TOWN**

Asya Karaseva

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
University of Tyumen
6 Volodarskogo Str., Tyumen, Russia
akarasyova@eu.spb.ru

A b s t r a c t: The paper focuses on the large-scale disruption of public utilities in the winter of 1993–1994 in one of the industrial towns of the Magadan region (Russia), called *razmorozka* (lit. defrosting). Due to a series of accidents at the central boiler station, most of the inhabitants were left without hot and cold water, as well as sewage and wastewater disposal, for a period ranging from a few months to a year. The electricity supply also was unstable due to a cascading effect. Using the approach of Michael Taussig and C. Nadya Seremetakis, I analyze the transformation of the modern nervous system of a newly disrupted sensory landscape, in which the ability to determine relevant sensory information has been heavily affected. I also consider the interpretations of this experience by the town's inhabitants to reveal socialist modernity as a sensory experience. The sources include publications in the local newspapers of the time and oral history narratives of the post-breakdown everyday life gathered in 2015.

Key words: modernity, Russia, Magadan region, public utilities, infrastructural failure, sensory landscape.

A c k n o w l e d g e m e n t s: The paper is prepared due to author's participation in the research project "Russian Harbors of Transarctic Route: Space and Societies of Russia's Arctic Coast on the Eve of a New Period in the History of Northern Sea Route" (grant of Russian Ministry for Education and Science).

To cite: Karaseva A., 'Razomknutaya modernity: kommunalnaya avariya v sensornom landshafte severnogo poselka gorodskogo tipa' [Modernity Unplugged: The Failure of Public Utilities in the Sensory Landscape of the Northern Town], *Antropologicheskij forum*, 2018, no. 38, pp. 122–146.

d o i: 10.31250/1815-8870-2018-14-38-122-146

U R L: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/038/karaseva.pdf>

Анастасия Карасева

Разомкнутая модернность: коммунальная авария в сенсорном ландшафте северного поселка городского типа

В статье предлагается анализ масштабной коммунальной аварии в поселке городского типа в Магаданской области, произошедшей на рубеже 1993–1994 гг., с позиций антропологии чувств. Материалом послужили публикации в локальной прессе 1993–1994 гг. и устные истории об аварии, собранные в 2015 г. Опираясь на теоретические подходы М. Тауссига и К.-Н. Сереметаки, автор утверждает, что в трансформированном аварией сенсорном ландшафте изменилась работа современной «нервной системы», завязанной на относительно стабильное функционирование водопровода, канализации и системы отопления. В новом ландшафте не работали привычные различия значимой и незначимой сенсорной информации, рутинные полуавтоматические действия больше не подходили для решения повседневных бытовых задач, а предметами полисенсорных обменов стали необычные для доаварийных условий вещества. Анализируются также интерпретации этих изменений жителями поселка.

Ключевые слова: модернность, Магаданская область, инфраструктура, аварии, ЖКХ, сенсорный обмен.

Валя¹, высокая стройная девушка, одна из сотрудниц отдела социальной защиты, которым я только что рассказывала о цели своего визита — исследовании экстренных ситуаций в северных регионах страны — и приводила в пример разморозку поселка, случившуюся на рубеже 1993–1994 гг., сослалась на то, что была тогда ребенком и мало что помнит, и предложила поговорить с ее бабушкой Ниной Ивановной. «Не хочу вспоминать это время, тяжелое оно было. Воды нету, буржуйки везде. Вынести вот это всё опять же неприятно. При заводе котельная работала, там можно было помыться где-то как-то... Иногда устраивали постирушки, машинки были. Деткам тяжело как!.. Ни в туалет не сходить, ни руки помыть... Руководителям пожелание одно: не допускайте такого, страшно это!» — вспоминала на том конце провода Нина Ивановна, отказываясь тем не менее со мной встречаться. Я отрывисто писала в блокнот, едва поспевая за потоком ее бессвязных воспоминаний-вспышек. «Не хочу говорить про это — было, и ладно. Плохое, тяжелое было время, не хочу вспоминать», — подытожила она и, попрощавшись, повесила трубку.

Анастасия Игоревна Карасева

Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия /
Тюменский государственный
университет,
Тюмень, Россия
akarasyova@eu.spb.ru

¹ Все имена в тексте изменены.

Разморозка поселка была, возможно, самым важным событием в его истории: хотя со времени катастрофы к моменту этого разговора прошло более 20 лет, для жителей она в определенном смысле продолжалась — не только через воспроизводство в рассказах приезжим и разговорах между собой, но и в форме живущих — неизбежно фрагментарно — в памяти ощущений (*sensory memories*) [Seremetakis 1993].

Истории городской инфраструктуры и в особенности ее сбоев часто пишутся крупными мазками, с опорой на количественные данные и акцентом на экономико-политические контексты (социальное государство против неолиберального) (см., например: [Graham 2010a; Collier 2011; Mains 2012]). Так происходит отчасти из-за специфики самого понятия, пришедшего в социальные науки из языка инженерных наук [Carse 2017], отчасти из-за заключенной в нем возможности масштабировать описание социальных процессов, легко переключаясь с одного уровня на другой [Edwards 2003], отчасти из-за того, что инфраструктура — это то, что делает город городом.

Для социальных антропологов инфраструктура стала достойным предметом анализа сравнительно недавно, в 2000-е [Larkin 2013], вследствие «материального поворота» в социальных науках. Модерность в технополитическом измерении — одна из центральных тем антропологических работ в этом направлении. «Инфраструктуры производят чувство современности — процесс, в ходе которого тело, как и сознание, постигает, что значит быть современным, изменяемым (*mutable*) и прогрессивным» [Larkin 2013: 337]. Одной из главных современных ценностей, как указал Пол Эдвардс, является системный контроль над вариативностью окружающей среды. Инфраструктуры обеспечивают ощущение стабильности жизни, правда, только в развитом мире [Edwards 2003]. Тело так или иначе находится в центре обоих этих определений инфраструктуры: в первом случае эксплицитно, во втором — подразумеваемо. Но что значит для тела быть современным? Как контроль над вариативностью окружающей среды с помощью инфраструктуры вписан в рутинные практики и что меняется при отказе инфраструктуры? Как различается «чувство современности» в разных контекстах, в частности в контексте советского города?

Советские города интересовали социальных исследователей как пример инфраструктуры, в своей материальности воплощающей идеологию коллективности и формального равенства [Humphrey 2005; Reid 2006], в особенности ее функционирование в условиях изменения идеологических вводных [Хамфри 2010; Collier 2011], включая пользовательскую реакцию на изменения в коммунальной политике [Бычкова, Попова 2012;

Хархордин, Алапура, Бычкова 2013]. Разреженность инфраструктуры на обширных российских территориях, особенно в Сибири, описывалась как экономическое проклятие [Хилл, Гэдди 2007] (см. также: [Трубина 2014]), а коммунальные аварии — как следствие происходящих политико-экономических процессов [Хамфри 2010; Collier 2011]. Исследование Стивена Кольера показывает специфику советской модернизации: в отличие от западноевропейской она осуществлялась «сверху» и часто имела дело не со сложившимися паттернами урбанизации, а с созданием городов, привязанных к предприятиям, с нуля. Кэролайн Хамфри, описывая контекст крупной коммунальной аварии в Улан-Удэ в 2001 г., показывает советскую модернность с другой стороны — со стороны потребителя, воспринимавшего инфраструктуру как обеспечиваемую государством часть надежно функционирующего «базиса», в постсоветское время превратившуюся «из олицетворения стабильности в источник тревоги и дискомфорта» [Хамфри 2010: 249]. В конечном итоге цель Хамфри — вписать Россию в общемировой контекст отступления «социального государства», хотя и ее собственные материалы, и данные Кольера показывают, что трансформировать централизованно поставляемое тепло из общественного блага в товар российскому государству оказывается не так-то просто: сопротивляются и инфраструктура, и пользователи. В обоих исследованиях, таким образом, в фокусе оказываются популярные в социальных исследованиях инфраструктуры дискуссии вокруг неоллиберализма, а не модерное тело. Этнографические же исследования опыта постсоветских трансформаций, вроде проведенного Н. Томпсоном на Чукотке [Thompson 2008], редко фокусируются на коммунальной инфраструктуре и ее роли для современного человека: описываются начавшиеся перебои в снабжении товарами первой необходимости, прекращение финансирования переселения на «материк», гиперинфляция и сокращение финансовых возможностей, потеря работы и рост цен на всё, от продуктов до билетов на самолет. Во всех этих примерах модерное тело оказывается вытесненным на периферию.

Культурные исследования чувств в городах часто выбирают своим предметом модернизацию, обычно рассматривая работу чувств в исторической перспективе — на заре появления предшественников современной коммунальной инфраструктуры. Другим направлением является анализ сенсорных ландшафтов в азиатских городах, радикально отличающихся от городов европейских, — примеры «недомодернизации». Нестабильность, сбои в работе в обоих случаях маркируют инаковость этой инфраструктуры — темпоральную либо культурно-географическую. Сама же обеспечиваемая стабильной работой инфра-

структур модерність пока не становилась предметом антропологии чувств и, судя по повестке субдисциплины, обозначаемой в обзорных трудах [Porcello et al. 2010; Howes, Classen 2014], вряд ли станет им в ближайшее время: среди тем, рассматриваемых в этих обзорах, повседневная работа коммунальной или транспортной инфраструктуры как область для возможных исследований отсутствует.

Предлагаемое в статье исследование ставит своей целью закрыть этот пробел. Речь в ней пойдет о масштабной коммунальной аварии, произошедшей на рубеже 1993—1994 гг. в небольшом северном поселке городского типа в центре Магаданской области. В результате этой аварии жители остались без таких централизованно распределяемых благ, как тепло и водопроводная вода, и обнаружили себя перед необходимостью трансформировать свои повседневные бытовые практики, связанные с поддержанием комфортных условий жизни. Я попытаюсь объединить подходы из области антропологии чувств и антропологии инфраструктуры, чтобы, во-первых, показать, каким образом крушение советского политического порядка ощущалось гражданами на уровне тела, и во-вторых, дать феноменологическое описание инфраструктурного сбоя с позиции переживших его людей.

Теоретической основой статьи будут антропологические работы, развивающие идеи Школы анналов и Вальтера Беньямина, — сборник эссе Майкла Тауссига «Нервная система» [Tausig 1992] и статьи Константины-Нади Сереметакис, посвященные сенсорной памяти [Seremetakis 1993; 1994; 2009]. Тауссиг вводит понятие «нервной системы», чтобы показать, каким образом в боливийском обществе работает террор и как вырабатывается привычка к нему. Идея нервной системы берет начало из трудов Вальтера Беньямина, анализировавшего изменяющуюся привычку практик смотрения при появлении новых способов фиксации визуальных образов и влияние этих перемен на устройство внимания современного человека. Нервная система для Тауссига — это иерархическая структура, определяющая различие между ощущаемым и неоощуемым в наличном социальном контексте.

Сереметакис сосредоточивается на историческом измерении работы нервной системы. Чувства и ощущения — это аппараты по созданию смыслов, работающие за пределами сознания и воли: «Ощущение не только заключено внутри тела как его внутренняя способность или сила, но оно также распределено на поверхности вещей, будучи их автономной характеристикой, что делает возможным восприятие этого опыта [контакта с вещью] как вторжения в тело» [Seremetakis 1994: 6]. Автоном-

ность сферы обмена сенсорной информацией и несвобода тела в раскрытии значений, навязываемых вещами посредством ощущений, являются принципиальными для ее теории. Память хранится в разделенных в ходе сенсорного обмена с другими вещами и веществах. «Сенсорный ландшафт и его наделенные смыслом объекты несут в себе эмоциональный и исторический осадок, который может провоцировать жесты, речи (discourse) и действия <...> раскрывающие стратиграфию самих объектов» [Seremetakis 1994: 7].

Методологически предлагаемое исследование наследует исследованиям Сереметакис, хотя и непрямо. Ее методология включает анализ фразеологизмов греческого языка, героями которых выступают различные части тела, действующие помимо воли их владельцев (типа «глаза выдали его»), а также ситуаций разделенного сенсорного опыта (например, приема пищи) и, в более поздней работе [Seremetakis 2009], невольных движений тела вроде нервного тика. Эти самостоятельные действия тела, зафиксированные в пословицах или практиках, направленных на возвращение управления телом, — следы работы социальной нервной системы. Методология моего исследования предполагает меньше внимания устоявшимся фразеологизмам и больше — анализу устных историй о крупной коммунальной аварии, собранных мною в ходе глубинных интервью¹ в экспедиции 2015 г., более 20 лет спустя после описываемого события, в ходе поездки в Магаданскую область. Следы работы социальной нервной системы здесь являются особенности рассказывания (умолчания, паузы, выбор грамматических конструкций), спровоцированные работой памяти, которую я вслед за Сереметакис полагаю связанной с предметами сенсорных обменов. По ходу изложения я также буду обращаться к заметкам из местной прессы², ибо за давностью событий мое описание — неизбежно реконструкция, мозаика из рассказанного и умалчиваемого (*memory silencing* в термино-

¹ Во время экспедиции я собирала материал для двух проектов: «Дети девяностых в Российской Арктике» (поддержан РНФ, № 14-18-02136) и моего диссертационного исследования, посвященного представлениям о чрезвычайности в северных регионах. Опросники для этих двух проектов различались: первый охватывал широкий спектр вопросов, касающихся повседневной жизни информантов, второй претерпевал изменения по ходу исследования. Если в начале экспедиции я использовала структурированные интервью, сфокусированные на темах, выделенных по результатам анализа местных газет, то в конце — полуструктурированные, с большим вниманием к повседневной жизни. Тема коммунальной аварии затрагивалась в интервью по обоим проектам.

² Наиболее часто я буду обращаться к заметкам за авторством А.Ф. Суздальцева, главного редактора районной газеты и поэта, опубликованным почти через полгода после аварии, в мае 1994 г. Заметки позиционируются как дневниковые, занимают две полосы формата А3. Столкнувшись с журналистами из Москвы, интересовавшимися только количеством жертв и смертельными случаями и не находившими ничего интересного в поставарийном быту, А.Ф. ставит целью объяснить себе и читателям газеты ужас повседневного существования в новых условиях и проследить изменения, происходившие с ним по мере привыкания к ним.

логии Тауссига), а также к наблюдениям за сегодняшними действиями жителей, которые позволяют раскрыть телесную природу памяти об аварии.

Контекст

Поселок, о котором идет речь, расположен в центральной части Магаданской области, на федеральной трассе «Колыма», соединяющей Магадан и Якутск, в нескольких сотнях километров от Магадана, и является административным центром района. С октября по май в этих местах холодно, в отдельные моменты температура воздуха может опускаться до -50 – -60 °С. Опыт жизни зимой здесь значит много, без этого для некоторых информантов разговор — пустая трата слов (и сил): чтобы обмен словами стал осмысленным, нужен общий сенсорный опыт. Так, М., спокойная женщина около 40 лет, руководительница одного из бюджетных учреждений, молча делала свою работу, пока ее коллеги-подчиненные живо рассказывали мне об особенностях жизни в поселке, и лишь изредка включалась в разговор. Напоследок, перед самым моим уходом, она бросила фразу, объяснившую ее незаинтересованность: «Здесь надо пожить, перезимовать. Что вы здесь поймете?» В середине сентября я уже начинала кое-что понимать: едва солнце скатывалось за горизонт, температура резко падала ниже нуля, и холод, который Варлам Шаламов называл «самым <...> страшным и беспощадным» из его колымского опыта [Шаламов 2001: 168], начинал продира́ть до костей, обнаруживая буквальность устоявшегося выражения [Шаламов 1998: 16]. Глубокой зимой, когда наступают настоящие морозы, в поселке стоит туман, а жители передвигаются короткими перебежками: подъезд своего дома — подъезд соседнего дома — магазин — здание места работы, а чаще на такси, которое здесь очень популярно. Местными жителями холод присвоен — он не мороз, а, фамильярно, «морозяка». Мороз в русском языке вообще самостоятельное действующее лицо: он может стоять, упасть, ударить, прихватить, тронуть, кусаться, и суффикс «-яка» только подчеркивает это указание на способность производить действие [Русская грамматика 1980: 149], хотя и с оттенком иронии. Опыт жизни на Колыме — это опыт жизни во власти этого агента большую часть года. Что здесь значит тепло?..

Модерный проект двуедин: с одной стороны, он нацелен на контроль вариативности окружающей среды [Edwards 2003], с другой — на «цивилизывание» тела, подчинение его импульсивных проявлений социальным требованиям ситуации [Elias 2000], сопровождавшееся «приватизацией простран-

ства» — выделением специализированных помещений для различных телесных функций. В советской политике на Крайнем Севере сочетались обе этих черты: «завоевание природы» [Volotova 2014] и воспитание «культурности» [Volkov 2000]. В эпоху позднего социализма Север был, по меткому, хотя и небесспорному наблюдению Надежды Замятиной [Замятина 1998], модернизационным фронтиром: в более или менее крупных рабочих поселках строили полностью благоустроенное жилье городского типа. По сравнению с центральными районами, Север активно строился и благоустраивался даже во второй половине 1980-х гг., когда по всей стране строительство практически замерло.

Централизованные коммунальные услуги, хотя и всего для нескольких домов, в рассматриваемом поселке появились уже в 1960-х¹. К 1980-м гг. поселок, наряду с другими крупными горнопромышленными поселками Магаданской области, имел типовую многоэтажную застройку, по большей части оборудованную всеми необходимыми коммунальными благами: центральным отоплением, горячей водой, водопроводом, канализацией. По сравнению с другими регионами России, степень коммунальной обеспеченности в регионе была довольно высокой, а значение показателя обеспеченности центральным отоплением и горячей водой в Магаданской области превосходило среднее по РСФСР (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение удельного веса жилой площади, оборудованной коммунальными благами, в РСФСР и Магаданской области² (1970–1985)³

Год	Удельный вес оборудованной жилплощади, в %							
	Водопровод		Центральное отопление		Канализация		Горячая вода	
	РСФСР	Маг. обл.	РСФСР	Маг. обл.	РСФСР	Маг. обл.	РСФСР	Маг. обл.
1970	79	65	76	89	76	54	37	37
1980	90	86	88	96	88	80	60	66
1985	92	92	90	98	90	88	73	81

¹ По словам главного инженера-строителя поселка [ПМА: Г.Т.].

² Важно учитывать, что на Чукотке, до 1991 г. входившей в состав Магаданской области, показатели благоустроенности были немного ниже.

³ Таблица составлена по материалам: [Народное хозяйство Магаданской области 1986: 90; Народное хозяйство РСФСР 1988: 451].

Впрочем, в реальности качество жилья оставляло желать лучшего, а работа коммунальных сетей была ненадежной. В начале 1980-х гг. в областной прессе сообщения об авариях разного рода, из-за которых люди вынуждены жить в холодных квартирах и работать в выстуженных помещениях, публиковались всё чаще и нередко со словами «очередная» и «типичная», оборотами вроде «как мы уже указывали», хотя до официального объявления перестройки в 1985 г. их было все еще сравнительно немного. Это, однако, не говорит о том, что переморозок было мало: в публикациях 1986–1987 гг. переморозки в пос. Атка, Сенокосный, Усть-Омчуг, Билибино (Чукотка тогда входила в состав Магаданской обл.) преподносятся как известные факты, хотя на страницах прессы более раннего времени не обо всех этих случаях можно найти подробную информацию, а о некоторых даже упоминания. Низкие температуры в домах колымчан, в том числе в новостройках, в 1980-е были обычным явлением: примечательно письмо председателя группы народного контроля при поссовете пос. Спорное (Ягоднинский район) в «Магаданскую правду», указывающее на недостатки строительства («отсутствие утеплительной призмы по периметру чердачного перекрытия <...>, несоответствие толщины стен в условиях жестоких колымских морозов» [Скобченко 1987]) и живописующее сенсорный ландшафт «благоустроенной» квартиры: «[п]отолки <...> с темными цветущими пятнами, текущие стены и постоянный запах сырости в четырех новостройках поселка, жителям которых пришлось установить “буржуйки”» [Скобченко 1987].

К началу 1990-х гг. рассматриваемый поселок был административным центром района, в нем жили примерно 9,5 тыс. человек. Его жилищный фонд состоял из многоэтажных домов, семиэтажного общежития, бараков на окраинах и обширного «частного сектора». В декабре 1993 г. в поселке произошла крупная авария: из-за серии поломок перестала работать центральная котельная, обеспечивавшая теплом и горячей водой большую часть зданий. Вода в трубах замерзла. Лед стал разрываться изнутри батареи в домах. В регионах, где большую часть года жизнь определяет холод, трубы часто прокладываются вместе: труба с холодной и две трубы с горячей водой (для отопления и для горячего водоснабжения), чтобы холодная вода не замерзала. Поэтому авария оставила жителей поселка не только без тепла, но и без холодной и горячей воды, а также без канализации. Электричество тоже работало нестабильно: нагрузки на сеть резко выросли, поскольку люди включали плиты и нагревательные приборы, которые здесь называют «калориферами», — каскадный эффект, который исследователи в первую очередь приводят в пример, когда речь заходит об уязвимости

городов [Graham 2010b; Little 2010]. Газовой инфраструктуры на Колыме нет.

К тому моменту, когда котельную наконец починили, трубы и батареи во многих домах уже были непригодны к использованию. Системы отопления и водоснабжения поселка требовали основательного ремонта. Поселок на много месяцев остался без тепла и воды. Последствия этой аварии, называемой в народе «разморозкой» (она же «переморозка» или «заморозка»), устраняли в течение нескольких лет. По приблизительным оценкам, без удобств остались от 75 до 90 % квартир¹.

Как же люди жили? Во-первых, в поселке работало еще несколько котельных при предприятиях, которые отапливали общежития и частные дома и обеспечивали «островки» относительного тепла — туда ходили мыться и стирать вещи те, кому повезло меньше. Во-вторых, люди ставили в квартиры керосиновые печки и (чаще) печки-«буржуйки». Печки, которые в весенней публикации в прессе назвали «символом [поселковой] драматической зимы» [Литвинова 1994], отчасти варили из подручных средств прямо в поселке, отчасти привозили из Магадана и даже из столицы, поскольку ситуация была объявлена чрезвычайной. Для растопки буржеек доставляли уголь несколько раз в неделю, и люди ходили его набирать. Точно так же ходили за холодной водой, которую привозили водовозки. (К слову сказать, и уголь, и воду привозили нерегулярно.) Нечистоты сливали в специально установленные во дворах короба. Спали вповалку, надев на себя всю теплую одежду, которая есть в доме, тесно прижавшись друг к другу.

Перенастройка нервной системы

Разморозки в колымских поселках не были редкостью, но эта стала особенной: инфраструктура отказала тотально, кардинально трансформировав знакомые ландшафты, превратив их из хорошо освоенных в чуждые и пугающие. Переломным стал момент взрыва радиаторов отопления, а у многих и труб, подающих воду: из-за замерзшей воды они лопались, и куски чугуна разлетались в разные стороны. Предвестником взрыва был звук — негромкий звонкий треск, лучше всего описанный местным журналистом в стихотворении, опубликованном спустя пять лет после аварии [Суздальцев 2003 (1999): 142]:

¹ Подсчитано по следующим данным: об общем числе квартир: [Калужная 1994]; о числе пострадавших квартир: [Помощь оказана 1993; О положении в поселке 1993; Попов 1994; Герасимова 1994а].

Как припомню, вызывает стресс,
 Ни на что другое не похожий:
 В полной тишине чуть слышный треск
 Батареи — и мороз по коже...

Смысл здесь концентрируется не столько в самом треске, сколько в необходимой работе телесного внимания: звук — «чуть слышный», и требовалось усилие, чтобы его уловить. Усилие должно было быть постоянным — и значит, должно было перейти в зону «рассеянного внимания», не нуждающегося в сознательной поддержке. Другими словами, разморозка, на деле наступавшая постепенно [Ляхатан 1993], перенастраивала всю работу сенсорного бессознательного (здесь я расширю понятие оптического бессознательного, введенное Тауссигом [Taussig 1992: 144]). Главной областью тревоги из-за вторжения стал сон — состояние, когда бессознательное берет верх. «Больше всего я почему-то боялся, что мне, спящему, может угодить в голову осколок» [Суздальцев 1994: 3]. Те, кто боялся упустить момент, заранее экипировались: «У меня свекровь со свекром <...>, у них разморозка вот... они сразу ее почувствовали, когда у них лопались вот эти чугунные батареи... Знаете, как когда бутылки лопаются? Вот такие куски отлетали — и у меня свекор спал в шапке, чтоб ему кусок не прилетел, да» [ПМА: М.С.].

Неусыпного внимания требовали и альтернативные централизованным источникам средства обогрева — буржуйки и электрические обогреватели. Одним из основных сюжетов, связанных с буржуйками, является отравление угарным газом, которое в рассказах чаще всего также связано со сном. «[П]оугарало много от буржоек. <...> Угарный вот этот газ — и запросто можно заснуть, и не почуять, и угореть можно, вот...» [ПМА: В.Р.] Притом что угореть можно было и в бодрствующем состоянии: в изменившемся сенсорном ландшафте «знак» поначалу сложно было отделить от «шума». Запах гари, висящая в воздухе и забивающая легкие угольная пыль стали новой нормой повседневности: «Зайдешь иной раз с улицы — тебя как колотушкой по голове. Неужели, думаешь, этим можно дышать. А потом ничего, дышишь — не замерзает же» [Суздальцев 1994: 3].

Перенастройка нервной системы, привычного разделения того, что находится в фокусе сознательного и рассеянного внимания, требовалась и в других областях жизни. Архитектура, пишет Тауссиг, тысячелетиями воспринималась отвлеченно, рассеянно — тем способом, который теперь составляет центр современной жизни. «Отвлеченность указывает на совершенно иной способ восприятия, вроде мерцающего (flitting), едва

осознаваемого периферийного зрения, [это] восприятие, высвобожденное громадной силой модерной жизни на скрещении города, капиталистического рынка и современных технологий» [Taussig 1992: 144]. Здание постигается использованием, т.е. через осязание, через проприоцепцию — и в этом отношении тактильность, формирующая привычку, имеет решающее значение для оптического восприятия. Движение в пространстве настраивает взгляд. Но и оптическое восприятие влияет на тактильные образы.

Еще одной особенностью, о которой вспоминают походя, но которую можно восстановить по заметкам в прессе, была темнота — следствие сочетания короткого зимнего светового дня, постоянного отключения электрического света из-за перегрузок сетей и заколоченных в стремлении спастись от всепроникающего холода и дыма соседских буржук окон. «В состоянии полной подавленности шел я однажды по улице, погруженной в кромешную тьму. Не было не только уличного освещения, но на центральной и близлежащих улицах ни в одном доме не было видно электрического света. Только редко-редко где какое-нибудь окно освещено было слабым свечением свечи, горящей в глубине комнаты» [Суздальцев 1994: 3]. Темнота на улицах и в подъездах, где на лестницах постепенно нарастали ледяные горы, затрудняла опору на взгляд при передвижении и, вкупе с необходимостью регулярно носить тяжести (воду и уголь), полностью меняла проприоцепцию. Падения, переломы не были редки, однако упоминание об этом в интервью только одно.

Оптическое восприятие связано с тактильным и иначе, через термоцепцию: темнота тесно связывалась с холодом. Инженерное искусство, как и визуальное, миметично: оно репродуцирует солнечный свет, одновременно являющийся источником тепла. Электричество — источник не только света, но и тепла. Не работающие из-за нагрузки на сети обогреватели и отсутствие света — два идущих рука об руку сюжета: «У нас пару раз только отключили, а так — у меня постоянно днем и ночью... духовка была включена, два калорифера... Потому что если без света, так замерзнуть можно, безусловно» [ПМА: О.В.]; «всё, свет погас. Вода, значит, встала; стало холодно» [ПМА: Е.]. Женщина, жившая в общежитии, отапливавшемся одной из малых котельных, жаловалась на то, что топили плохо, и подчеркивала, что им с соседями пришлось поставить буржуйку «из-за того, что свет отключали» [ПМА: Т.В.].

Темнота и холод делали квартиры незнакомыми и пугающими, мотивировали жителей проводить время в других местах: «О.В.: Да у нас тут тогда, говорю, большинство... вообще кол-

лектива находилось здесь [в котельной] — т.е. мужа, жены, дети... Ты на работе, и ребенок с тобой на работу — потому что... Е.Н.: Дома холодно и страшно» [ПМА: О.В., Е.Н.]. Темнота усугубляла страх перед сном и связанной с ним утратой возможности контролировать происходящее: «Признаться, я боялся ложиться спать в первые после аварии дни. <...> Однажды вечером стало как-то особенно тоскливо. Как будто что-то сломалось внутри у меня, и я решил: всё, хватит, никакая сила не заставит меня лечь в эту ледяную постель. Лучше я просижу всю ночь в валенках, шубе и шапке на кухне возле духовки, а если выключат свет, то со свечкой. А посплю уже днем — днем не так страшно» [Суздальцев 1994: 3].

Проблемой здесь была даже не грозившая физическими травмами атака разрушающейся инфраструктуры, а значение, стоявшее за уже упомянутым звуком рвущихся батарей, которого так боялся автор заметки: звук маркировал момент необратимости разрушения, еще одну победу всепроникающего холода, еще одно наступление трансцендентного *Иного*.

Звук неразрывно связан с визуальными образами, которые можно найти в газетных публикациях, но которые, однако, не встречаются в интервью — ср. основанное на дневниковых заметках описание пребывания в поликлинике, опубликованное Суздальцевым несколькими месяцами позже аварии, в мае 1994 г.: «Я долго сидел в пустом, холодном, почти как на улице коридоре. И вдруг услышал, как где-то в другом конце лопнула батарея. Раскатился гулкий такой звук, который нельзя передать словами и который, видимо, не удастся забыть. Мне стало как-то не по себе. На работе у нас полопались все до одной батареи и в кабинетах, и в коридорах, но как они лопались, слышать прежде не доводилось. Я видел только результат — забрызганные коричневой грязью стены и потолок и в некоторых местах метрах в двух-трех от стены осколки металла» [Суздальцев 1994: 3]; ср. также письмо читательницы в газету: «Я воспитатель детского сада. И мне так больно и обидно смотреть на “мертвый” детский сад! Мы, работники детского сада, дежурили по ночам во время аварии, на наших глазах лопались трубы и батареи, выворачивало полы, облезла краска. Теперь всё залито грязью из труб и батарей» [Козлова 1994].

Помимо разорванных батарей и грязи из труб, привычный вид помещений меняли и буржуйки: внутри зданий они оставляли копать на стенах и потолках, а вовне сообщали о своем присутствии выведенными через форточки дымящими трубами. Холод в неотапливаемых частях зданий обретал свое видимое выражение: «На кухне у нас было настоящее оледенение. Лед тонким слоем покрывал нижнюю часть стены возле окна,

и слева и справа от него. В углах белым мхом вырос иней» [Суздальцев 1994: 3]. Лестницы в замороженных подъездах превратились в ледяные горки: замерзали расплескиваемые при перетаскивании вода и жидкие отходы. Наступление холода было не только термически ощутимым, но и зримым.

Изменения в социальной нервной системе

Работа коммунальной инфраструктуры определяла также и присутствие тел в публичном пространстве — то, каким образом и в каких ситуациях мужские, женские и детские тела могли быть видимы, слышимы, осязаемы, учуяны по запаху. Устройство квартир — отдельные ячейки в домах — диктует и дистанцию между телами. Необходимость поддерживать тепло в условиях неработающей инфраструктуры и скудости и опасности альтернативных источников отопления заставляла людей быть физически более близко друг к другу: жить в одной комнате, спать всей семьей вместе — еще один тактильный шок. При распределении буржеек социальное тепло учитывалось наряду с остальными источниками и могло быть ограничителем для получения печки: «У меня товарищ, с которым я работал, он в первую же ночь и погиб, когда печку получил. <...> Он вообще один, одинокий. <...> т.е. мы вместе, под одним одеялом, четыре человека спали, там, обогреваясь... У нас не одно одеяло, там много, и в одежде полностью — там пять одежек... Вот, в пяти одежках... согревались. А он вообще один. Ему директор говорит: “Ладно, говорит, я ходатайство напишу, что ты одинокий, туда-сюда, и тебе, как бы, вне очереди”» [ПМА: В.В.].

Наиболее остро изменения в работе социальной нервной системы ощущались в области гигиены тела — в том, что касалось мытья и, особенно, отправления естественных нужд. Модерный городской человек невидим и не ощущаем другими в момент мытья и отправления естественных нужд: закрыт стенами специального помещения или, в случае совместного санузла, хотя бы шторой. Если в условиях городского типа мытье в принципе может быть публичным процессом (например, в бане), то отправление естественных нужд — нет. Авария сделала публичным и то, и другое.

Общими стали субстанции, прежде не предполагавшие совместного доступа (ср. *shared substance* у Сереметакис [Seremetakis 1994; 2009]). В семье пользовались по очереди одной и той же водой для мытья тел: «В ванну воду натаскаешь — где-то... сколько? Ведер пять-шесть — кипятильником подогреешь. <...> Ребенка-то купать надо каждый день... ой... каждую неделю. Сегодня ребенок искупался — так, сегодня моя очередь после нее купаться, а на следующей неделе уже очередь мужа

купаться после ребенка [с улыбкой]. Ну где столько воды на-таскаешь?» [ПМА: Г.Н.]. Проточная вода стала центральным элементом отношений «хозяин — гость», изменив нормы гостеприимства: мытье происходило там, где была вода, — в квартирах людей, которым повезло сохранить ее, или в котельных, которые из режимных объектов превратились в публичные пространства. Для людей, обладавших этим ценным ресурсом, выходные и праздники стали «приемными днями»: «В выходные — воскресенье, суббота — мы не стирались, потому что весь поселок у нас: кто в душе мыться, кто стираться, кто суши-ться» [ПМА: Т.В.]; «Зато мне не повезло в отношении праздников — все праздники отмечались у меня [смеется]. Потому что все шли ко мне: вода, все это было. Не надо было ни носить, ничего» [ПМА: О.].

Нечистоты теперь попадали в поле совместного зрения и обоняния — и семей, и соседей, и случайных прохожих. Внутри жилых помещений отхожее ведро в крайних случаях могло стоять в той же комнате, где жили люди: «У нас вот то, что много было комнат [в общежитии] — у нас было хорошо, что у нас туалет был, например, отдельно, а не так как у некоторых, блин, — там 6 комнат, 6 семей, блин, вот это вот... ведерочко, в комнатке, под ракови[ной]...» [ПМА: Ю.]. Вовне, во дворах домов, были установлены деревянные короба для слива фекалий, которые довольно быстро обрели «наросты» вокруг, превратившись в «курганы» и «сопки» из мусора и нечистот. (Весной одна журналистка насчитала 22 таких «обширных помойки», в сумме занимавших, по ее субъективному ощущению, более десяти тысяч квадратных метров [Герасимова 19946].) Вещества, при прежней работе инфраструктуры исчезающие из поля зрения со скоростью утекающей в унитаз воды, теперь были явлены взгляду и нюху любого. Самой деликатной частью их осложнившегося удаления стала доставка ведра от квартиры до короба или ямы: неслучайны жалобы в прессе на «нерадивых жильцов, которые выбрасывают мусор и выливают нечистоты в неположенных местах»: «Многие из нас настолько “приспособились” к ситуации (или махнули на все рукой?), что без особого беспокойства за свое и окружающих здоровье льют и валят прямо у подъездов, <...> ленясь порой десяток шагов сделать» [Герасимова 19946]. Даже спустя несколько месяцев сделать этот десяток шагов людям было сложно: включение этих веществ в мультисенсорный обмен с другими так и не вошло в привычку. На помощь приходила темнота: «Тогда выкидывали, когда темно, чтоб люди не видели» [ПМА: П.Ж.]. Примечателен контекст записи этой короткой, но содержательной фразы. Солнечным сентябрьским днем в поселке было еще не очень холодно и на площади у Дома культуры собира-

лись пожилые люди. Я завела разговор с энергичным мужчиной около 70 лет, рядом на лавочке сидела пара женщин. Когда мы с информантом заговорили о переморозке, женщины стали вспоминать ее друг с другом, мало обращая внимание на меня с диктофоном. В тот момент не слышала их рассказов и я, обнаружив их позже, уже на этапе расшифровки. В интервью, однако, таких откровенных признаний не встречалось: напротив, тема гигиены была одной из самых трудных для обсуждения. Информанты говорили о своем опыте в безличных категориях («ходили мыться», «надо стираться», «выливали») или с использованием индексальных знаков — предметов и пространств, связанных с гигиеной («уборная не работает», «такие ящики были, железные, сбитые, да? И туда вот выносили», «приехали — коммуникации еще и не сделаны. Просто это началась весна, всё это начало растаивать...»). Выбор речевых конструкций, при которых субъектность говорящего размывается, как кажется, выражает стремление скрыть от приезжего интервьюера тело, вышедшее из-под контроля, — самый страшный «грех» для современного человека.

Нарушения того, что в нормальных условиях работы инфраструктуры было запретным, касались не только расширения круга «общих веществ», но и социального поведения. Вынужденная совместность там, где ее не предполагалось, не проходила даром: в привычных областях коллективности социальная нервная система отвечала повышенной возбудимостью. В прессе сообщали о разбитых окнах в доме главы администрации, избитом водителе водовозки, привезшем воду с задержкой, попытках женщины побить главу «Электротеплосети», самоубийстве у трансформаторной будки и диверсии на котельной. «Нервы в эти дни были напряжены у нас, как струны, тронь — зазвенит. И такое состояние было, видимо, у многих. Помню истошный крик женщины: “Я не хочу видеть трупы своих детей. Вези нас куда-нибудь, где тепло!” Она кричала так своему мужу при людях, и он никак не мог ее успокоить» [Суздальцев 1994: 3]. Хотя наэлектризованная атмосфера острее чувствовалась в первые недели после аварии, ситуация, по видимому, не сильно улучшилась и дальше: «Любая очередь за хлебом или за водой была тогда как порох» [Суздальцев 1994: 4]. Социальная нервная система фиксировала изменения, которые несли в себе вполне определенные смыслы.

Демодернизация, данная в ощущении

Кардинальная перестройка быта нуждалась в осмыслении и объяснении. Осенью предшествовавшего аварии 1992 г. в Магадан приезжал Е. Гайдар, тогда исполнявший обязанно-

сти председателя правительства, и объявил, что Магаданская область бесперспективна и перенаселена, что нужно переселять людей в центральные регионы РФ, а добычу золота здесь вести вахтовым методом. По публикациям в локальной прессе видно, что тогда переморозка многими интерпретировалась как целенаправленное мероприятие в рамках программы по «выживанию» людей с Севера [Алькор 1994; Олефир 1994]. Так же трактовались и действия по спасению поселка — эвакуация матерей с детьми с оплатой билетов только в один конец, выделение денег на ликвидацию последствий аварии из Пенсионного фонда России. Хотя и воспоминания о знаковом выступлении Гайдара, и разговоры о преднамеренности переморозки всплывают в интервью по сей день, аварию больше не связывают с изменившейся политикой в отношении Севера: говорят, что диверсия имела место, но кто и зачем ее организовал — не отвечают.

В попытках осознать опыт переморозки информанты подбирают сравнения. Самым популярным источником стала война. Хотя информанты не уточняют, какая именно, ясно, что речь идет о Великой Отечественной, благодаря длительной практике медиарепрезентации ставшей синонимом «Войны вообще» [Зверева 2005]. Война используется как эталон беды. Разморозка может либо приравниваться к ней: «Это же было как война» [ПМА: М.С.], либо — чаще — противопоставляться как событие менее страшное: «В войну и не то пережили» [ПМА: Н.К.], «по сравнению с войной это всё не страшно. [пауза] Можно жить» [ПМА: В.Р.].

Сравнение с войной осуществляется не только посредством ее названия, но и через обращение к растиражированным образам документальной хроники. Образы законопаченных и занавешенных окон, закутанных в несколько слоев одежды людей, «саночников»¹, везущих на санках уголь и воду в бидонах, — визуальные штампы о жизни тыла в военное время. Образцом выстоявшего тыла является блокадный Ленинград: упоминания о нем встречаются как в прессе, так и в интервью:

Водовозки приезжали, они привозили воду, т.е. в каждый двор заезжала водовозка, и люди стояли в очереди за водой — ну всё как в войну, знаешь, вот эту хронику показывают. Тоже там — кто за водой, там, кто за хлебом, там, такая фигня... [ПМА: Е.]

Т.Б.: *Машина подъедет, уголь привезут — сразу все... ну каждый установил себе печечку, который живет здесь, не уезжает,*

¹ Этот образ встречается в заметке журналиста из Магадана, описывающего увиденное на страницах областной газеты: [Олефир 1994].

каждый, значит, начинает, шебуришать... Все так одеты, как вот... ну, наверно, в войну так одевались... [с улыбкой].

С.: *Как немцы под Сталинградом [смеется].*

Т.Б.: *Да, и шапки-шарфы, каждый со своим каким-то там... с молоточком, со скребочком, в ведерочки вот уголь набирает и вытаскивает. Набирает уголь — и затаскивает, дома складывает. Когда машина подъедет, водовозка — тоже, сразу как... (С.: Бегом)... [нрзб.] как блокадный, понимаете... [улыбается].*

Условия жизни в переморозку сравнивают и с тайгой: «Это вот то же самое, что жить просто в тайге» [ПМА: Т.С.]. Тайга не просто абстрактная «природа», противостоящая городской «культуре», это пространство, где действуют особые правила социальности, в том числе для сенсорных обменов. Информантка приводит сравнение с тайгой в ходе разговора о необходимости ютиться в маленьких помещениях в компании большого числа людей: иные небольшие золотодобывающие старательские артели в глубине колымских лесов живут именно так. К тому же в тот год, когда мы разговаривали, выходы в тайгу для жителей поселка городского типа стали коллективными — чтобы отпугивать бродящих по окрестностям медведей. Память о специфической таежной социальности, предполагающей одновременно необходимость сотрудничества и высокую конкуренцию за ресурсы и не регулируемой никакими внешними правилами, сохранена в известной пословице «Закон — тайга, прокурор — медведь», которая в литературе часто упоминается в контексте лагерной тематики именно на Колыме.

Сравнение с обратным движением по шкале времени, вплоть до мифического, встречается в разных формулировках: «Всё, мы оказались в доисторических временах, по сути дела» [ПМА: В.А.]; «Я прибежала в интернат — там это был такой, знаете... ну, Содом и Гоморра» [ПМА: А.Н.]. Эти ассоциации обнаруживают одновременно крах современной идеи прогресса и важность предсказуемой работы коммунальной инфраструктуры для различия между «достойной» и «голой» жизнью, если пользоваться терминами Джорджо Агамбена [Агамбен 2011]. Различие между ними познается в опыте перенастраивания нервной системы.

* * *

В начале своего знаменитого эссе Беньямин цитирует Поля Валери: «Подобно тому как вода, газ и электричество, повинувшись почти незаметному движению руки, приходят издалека в наш дом, чтобы служить нам, так и зрительные и звуковые образы будут доставляться нам, появляясь и исчезая по велеанию незначительного движения, почти что знака» [Беньямин

1996: 18]. Модерным благам здесь достается неблагодарный удел источника для сравнения, сами они принимаются как данность, не нуждающаяся в анализе. Тауссиг показывает, как появление новых средств фиксации визуального обнаруживает оптическое бессознательное, — так же авария, заменяющая «почти незаметное движение руки» тяжелой работой всей мускульной системы человека ради получения базовых благ, вскрывает существование сенсорного бессознательного. Работа инфраструктуры, не бесперебойная, но более или менее предсказуемая, была для северян естественной частью не только обеспечиваемого государством базиса, как справедливо указала Хамфри, но и всей социальной нервной системы. Привычный ландшафт (визуальный, сонорный, тактильный, ольфакторный), завязанный на работу компенсирующих вариативность среды инфраструктур, изменился, и вместе с ним трансформировалась действующая в зоне рассеянного внимания система сенсорных «знаков» и «шумов» и основанных на них сенсорных обменов, участие в которых для тела не является предметом сознательного выбора.

На колымских просторах крах современных инфраструктур — это прежде всего термощептивный опыт. Мороз, холод — частый протагонист колымских историй, от широко известных «Колымских рассказов» Шаламова до нарративов о специфической здешней готовности помочь на Колымской трассе, где расстояния между населенными пунктами велики, поток машин редок и поломка в лютую стужу грозит смертью. В холодную часть года работа социальной нервной системы на Колыме полностью определяется экономикой тепла, включая структурирование нетермических сенсорных обменов. Мороз в жилых зданиях означает победу природы, этого антипода модерности; он превращает жилое место в пространство исключения. В новых, послеаварийных условиях сопротивление ему требовало большого труда: постоянно носимые на себе килограммы одежды, скученное пребывание с другими, топка буржеек, требующая повышенного внимания, и носка угля для них, часто на высокие этажи. Цена труда по превращению в аутоинфраструктуру [Tonkiss 2015] тепла — перестройка всей социальной нервной системы.

Случай переморозки — обратный тому, что анализирует Сереметакис [Seremetakis 1993; 1994] для городской Греции, где модернизация преобразует повседневность постепенно, стирая из нее запахи и вкусы прежних эпох, а локальное уступает свое место глобальному, вызывая ностальгию об ушедших временах. Однако есть здесь и общее: сохраняется сенсорная память — на уровне ощущений или в системе оценок, диктуя информанту способ говорения. Память о разморозке передает-

ся потенциальным членам сообщества: так, одна из молодых учительниц, только приехавшая в поселок, рассказывала мне, как в ответ на ее жалобу о холоде в начале осени в разговоре с продавщицей в магазине свидетели беседы отказали ей в праве жаловаться: что она может знать о холоде, не пережив разморозки? [ПМА: Ю.В.] Опыт настоящего холода для них — это опыт перестройки нервной системы. Вместе с тем прямой интерес к этому опыту шокирует людей: попытка говорить о нем обнаруживает в речи паузы, безличные конструкции, индексальные знаки и переключения на другие, более приятные темы, в особенности у женщин, которые пережили аварию в пенсионном возрасте. Люди также не готовы делиться ее образами: единственные обнаруженные фотографии — в газетах того времени. Домашние архивы закрыты, также нет визуальных свидетельств и в обширной коллекции материалов поселкового краеведа. Память о переморозке, однако, продолжает жить в сенсорном бессознательном — в практике чуткого сна, с прислушиванием теперь уже не к треску батареи, но к течению воды в коммунальных трубах, в снах, где героями становятся электрические счетчики и калориферы, в привычке периодически касаться батареи и смотреть на дым из котельной: «Честно говорю — это ужас был. [пауза] Вспоминаю с таким... И... и у нас уже выработалось в подсознании... Вот у меня окна выходят, я утром все время смотрю на котельную: дым есть? Значит, порядок! Всё, эти сутки живем» [ПМА: В.А.].

Так часто озвучиваемое нежелание вспоминать обнаруживает свою противоположность — укорененную в теле невозможность забыть, признак травмирующих событий. Сутью же этой травмы стал резкий переход от «достойной» жизни к жизни «голой», когда все силы уходят на поддержание тепла. История разморозки для многих не окончена, а только приостановлена: сценарий закрытия населенных пунктов в Магаданской области часто предполагает схожие аварии коммунальной инфраструктуры, восстановление которой оказывается экономически более затратным делом, чем переселение людей, а значит, переход от современной жизни к немодерной может совершиться вновь.

Благодарности

Я выражаю признательность коллегам по Центру социальных исследований Севера Валерии Васильевой, Николаю Вахтину и Ксении Гавриловой, а также Николаю Ссорину-Чайкову и участникам неформального антропологического семинара под его руководством, а именно Татьяне Борисовой, Евгении Захаровой, Александре Касаткиной, Жанне Корминой, Анне Кругловой, Доминику Мартину, Екатерине Мельниковой и отдельно Дарье Дубовке и Штефану Дудеку за обсуждение черного варианта статьи и проникательные комментарии.

Статья подготовлена благодаря участию автора в проекте «Российские гавани Трансарктической магистрали: Пространства и общества арктического побережья России накануне новой эпохи развития Северного морского пути» (грант №33.2257.2017/ПЧ Мин. образования и науки РФ).

Список сокращений

ПМА — полевые материалы автора

Полевые материалы

ПМА 2015 — экспедиция в Ягоднинский городской округ Магаданской области (пгт. Ягодное, пгт. Синегорье, пос. Дебин) (информанты: А.Н., ж, ок. 65; В.А., м, 69; В.В., м, 63; В.Р., ж, ок. 60; Г.Н., ж, 66; Г.Т., м, 90; Е., м, 33; Е.Н., ж, 45; М., ж, ок. 40; М.С., ж, ок. 45; Н.И., ж, ок. 70; Н.К., ж, 83; О., ж, 51; О.В., ж, 50; П.Ж., ж, ок. 70; С., ж, 38; Т.Б., ж, ок. 70; Т.В., ж, ок. 65; Т.С., ж, 35; Ю., ж, 34; Ю.В., ж, 25)

Источники

- Алькор Е.* Спасение замерзающих за счет голодающих // Магаданская правда. 1994, 27 янв.
- Герасимова Н.* «Интересно решать сложные задачи» [интервью с первым замглавы адм. района С.М. Вихляевым] // Северная правда. 1994а, 25 нояб. № 47 (7424).
- Герасимова Н.* Не придет к нам Геракл // Северная правда. 1994б, 15 апр. № 15 (7392).
- Калюжная Л.П.* Комментарий бухгалтера // Северная правда. 1994, 4 фев. № 5 (7382).
- Козлова Н.* Обидно и больно... // Северная правда. 1994, 10 июня. № 23 (7400).
- Литвинова В.* Это не те буржуйки // Северная правда. 1994, 15 апр. № 15 (7392).
- Лухатан Е.* На грани выживания // Вечерний Магадан. 1993, 7 окт. № 40. Народное хозяйство Магаданской области в одиннадцатой пятилетке: Крат. стат. сб. Магадан: Кн. изд-во, 1986. 111 с.
- Народное хозяйство РСФСР: Статистический ежегодник. ... в 1987 г. М.: Финансы и статистика, 1988. 590 с.
- О положении в поселке Ягодное // Территория. 1993, 31 дек.
- Олефир С.* Горькие ягоды Ягоднинской трагедии // Магаданская правда. 1994, 13 янв.
- Помощь оказана // Российская газета. 1993, 28 дек. № 238 (854).
- Попов Е.* Оценить мою работу вправе только жители района // Северная правда. 1994, 21 янв. № 3 (7380).
- Русская грамматика: [В 2-х т. / Редкол.: Н.Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / [Н.С. Авилова, А.В. Бондаренко, Е.А. Брызгунова и др.]. М.: Наука, 1980. 783 с.

- Скобченко Е.* Новоселье... с «буржуйкой» // Магаданская правда. 1987, 22 дек.
- Суздальцев А.* Существо, ко всему привыкающее // Северная правда. 1994, 20 мая. № 20 (7397).
- Суздальцев А.* Зимний дневник // И в Ягодном пишут стихи... / Вступ. ст. и сост. И. Паникаров. Магадан: МАОБТИ, 2003. С. 140–146. (Архивы памяти. Вып. 13).
- Шаламов В.Т.* Плотники // Шаламов В.Т. Собрание сочинений в четырех томах. М.: Художественная литература; Вагриус, 1998. Т. 1. С. 16–20.
- Шаламов В.Т.* Тридцать восьмой // Шаламов В.Т. Воспоминания / Подгот. текста и коммент. И.П. Сиротинской. М.: Олимп; Астрель; АСТ, 2001. С. 168–184.

Библиография

- Агамбен Дж.* Номо Сасер. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011. 250 с.
- Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: Избранные эссе. М.: Медиум, 1996. С. 15–65. (Немецкий культурный центр имени Гете).
- Бычкова О.В., Попова Е.В.* Горожане и реформа ЖКХ: сети сопротивления // Этнографическое обозрение. 2012. № 3. С. 78–87.
- Замятина Н.Ю.* Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 75–89.
- Зверева Г.* Вечная Война // Критическая масса. 2005. № 2. <<http://magazines.russ.ru/km/2005/2/zv7.html>>.
- Трубина Е.* «По-большому»: городская инфраструктура и власть над пространством // Неприкосновенный запас. 2014. № 2 (94). С. 175–196.
- Хамфри К.* Новый взгляд на инфраструктуру: сибирские города и «большой январский мороз» 2001 г.: Пер. с англ. Н. Космарской // Хамфри К. Постсоветские трансформации в азиатской части России: Антропологические очерки. М.: Наталис, 2010. С. 234–252.
- Хархордин О., Алапура Р., Бычкова О.* (ред.). Инфраструктура свободы. Общие вещи и Res Publica. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 352 с. (Res Publica. Вып. 8).
- Хилл Ф., Гэдди К.* Сибирское бремя: просчеты советского планирования и будущее России: Пер. с англ. М.: Науч.-образоват. форум по междунар. отношениям, 2007. 327 с.
- Bolotova A.* Conquering Nature and Engaging with the Environment in the Russian Industrialised North. Rovaniemi: University of Lapland Press, 2014. 165 p.
- Carse A.* Keyword: Infrastructure — How a Humble French Engineering Term Shaped the Modern World // Harvey P., Jensen C.B., Morita A (eds.). Infrastructures and Social Complexity: A Routledge Companion.

- L.; N.Y.: Routledge, 2017. P. 27–39. <https://www.academia.edu/23432886/Carse_A_2017_Keyword_Infrastructure_How_a_Humble_French_Engineering_Term_Shaped_the_Modern_World>.
- Collier S.J.* Post-Soviet Social: Neoliberalism, Social Modernity, Biopolitics. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2011. 304 p.
- Edwards P.N.* Infrastructure and Modernity: Force, Time, and Social Organization in the History of Sociotechnical Systems // *Modernity and Technology*. Cambridge, MA: MIT Press, 2003. Vol. 1. P. 185–225.
- Elias N.* The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic Investigations / Trans. by E. Jephcott. Oxford; Malden, MA: Blackwell Publishers, 2000. 567 p.
- Graham S.* (ed.). *Disrupted Cities: When Infrastructure Fails*. N.Y.: Routledge, 2010a. 196 p.
- Graham S.* *When Infrastructures Fail* // *Graham S. (ed.). Disrupted Cities: When Infrastructure Fails*. N.Y.: Routledge, 2010b. P. 1–26.
- Howes D., Classen C.* *Ways of Sensing: Understanding the Senses in Society*. N.Y.: Routledge, 2014. 200 p.
- Humphrey C.* Ideology in Infrastructure: Architecture and Soviet Imagination // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 2005. Vol. 11. No. 1. P. 39–58.
- Larkin B.* The Politics and Poetics of Infrastructure // *Annual Review of Anthropology*. 2013. Vol. 42. No. 1. P. 327–343. doi:10.1146/annurev-anthro-092412-155522.
- Little R.G.* Managing the Risk of Cascading Failure in Complex Urban Infrastructures // *Graham S. (ed.). Disrupted Cities: When Infrastructure Fails*. N.Y.: Routledge, 2010. P. 27–39.
- Mains D.* Blackouts and Progress: Privatization, Infrastructure, and a Developmentalist State in Jimma, Ethiopia // *Current Anthropology*. 2012. Vol. 27. No. 1. P. 3–27. doi:10.1111/j.1548-1360.2011.01124.x.
- Porcello T., Meintjes L., Ochoa A.M., Samuels D.W.* The Reorganization of the Sensory World // *Annual Review of Anthropology*. 2010. Vol. 39. No. 1. P. 51–66. doi:10.1146/annurev.anthro.012809.105042.
- Reid S.E.* The Meaning of Home: “The Only Bit of the World You Can Have to Yourself” // *Siegelbaum L. (ed.). Borders of Socialism: Private Spheres of Soviet Russia*. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2006. P. 145–170.
- Seremetakis C.N.* The Memory of the Senses: Historical Perception, Commensal Exchange and Modernity // *Visual Anthropology Review*. 1993. Vol. 9. No. 2. P. 2–18.
- Seremetakis C.N.* The Memory of the Senses, Part I: Marks of the Transitory // *Seremetakis C.N. (ed.). The Senses Still*. Boulder: Westview Press, 1994. P. 1–18.
- Seremetakis C.N.* Divination, Media, and the Networked Body of Modernity // *American Ethnologist*. 2009. Vol. 36. No. 2. P. 337–350. doi:10.1111/j.1548-1425.2009.01138.x.
- Taussig M.T.* *The Nervous System*. N.Y.: Routledge, 1992. 207 p.
- Thompson N.* *Settlers on the Edge: Identity and Modernization on Russia’s Arctic Frontier*. Vancouver: UBC Press, 2008. 289 p.

Tonkiss F. Afterword: Economies of Infrastructure // *City*. 2015. Vol. 19. No. 2–3. P. 384–391. doi:10.1080/13604813.2015.1019232.

Volkov V. The Concept of *kul'turnost'*: Notes on the Stalinist Civilizing Process // Fitzpatrick S. (ed.). *Stalinism: New Directions*. L.; N.Y.: Routledge, 2000. P. 210–230.

Modernity Unplugged: The Failure of Public Utilities in the Sensory Landscape of the Northern Town

Asya Karaseva

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
University of Tyumen
6 Volodarskogo Str., Tyumen, Russia
akarasyova@eu.spb.ru

The paper focuses on the large-scale disruption of public utilities in the winter of 1993–1994 in one of the industrial towns of the Magadan region (Russia), called *razmoroзка* (lit. defrosting). Due to a series of accidents at the central boiler station, most of the inhabitants were left without hot and cold water, as well as sewage and wastewater disposal, for a period ranging from a few months to a year. The electricity supply also was unstable due to a cascading effect. Using the approach of Michael Taussig and C. Nadya Seremetakis, I analyze the transformation of the modern nervous system of a newly disrupted sensory landscape, in which the ability to determine relevant sensory information has been heavily affected. I also consider the interpretations of this experience by the town's inhabitants to reveal socialist modernity as a sensory experience. The sources include publications in the local newspapers of the time and oral history narratives of the post-breakdown everyday life gathered in 2015.

Keywords: modernity, Russia, Magadan region, public utilities, infrastructural failure, sensory landscape.

Acknowledgements

I would like to express my gratitude to my colleagues at the Center for Arctic Social Studies at the European University at St Petersburg: Valeria Vasilyeva, Nikolay Vakhtin and Ksenia Gavrilova, as well as to Nikolay Ssorin-Chaikov and participants of the informal anthropological seminar under his leadership, namely Tatiana Borisova, Evgenia Zakharova, Alexandra Kasatkina, Jeanne Kormina, Anna Kruglova, Dominic Martin, Ekaterina Melnikova and individually Daria Dubovka and Stephan Dudeck for discussing the draft version of this article and for their insightful comments.

The paper is prepared due to author's participation in the research project

“Russian Harbors of Transarctic Route: Space and Societies of Russia’s Arctic Coast on the Eve of a New Period in the History of Northern Sea Route” (grant of Russian Ministry for Education and Science).

References

- Agamben G., *Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1998, 199 pp.
- Benjamin W., ‘The Work of Art in the Age of Mechanical Reproduction’, Arendt H. (ed.), *Illuminations*. New York: Harcourt, Brace and World, 1968, pp. 217–251.
- Bolotova A., *Conquering Nature and Engaging with the Environment in the Russian Industrialised North*. Rovaniemi: University of Lapland, 2014, 165 pp.
- Bychkova V., Popova E. V., ‘Gorozhane i reforma ZhKKh: seti soprotivleniya’ [Urbanites and Reforming of Housing and Communal Services Sector: Networks of Resistance], *Etnograficeskoe obozrenie*, 2012, no. 3, pp. 78–87. (In Russian).
- Carse A., ‘Keyword: Infrastructure — How a Humble French Engineering Term Shaped the Modern World’, Harvey P., Jensen C. B., Morita A. (eds.), *Infrastructures and Social Complexity: A Routledge Companion*. London; New York: Routledge, 2017, pp. 27–39. <https://www.academia.edu/23432886/Carse_A_2017_Keyword_Infrastructure_How_a_Humble_French_Engineering_Term_Shaped_the_Modern_World>.
- Collier S. J., *Post-Soviet Social: Neoliberalism, Social Modernity, Biopolitics*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2011, 304 pp.
- Edwards P. N., ‘Infrastructure and Modernity: Force, Time, and Social Organization in the History of Sociotechnical Systems’, *Modernity and Technology*. Cambridge, MA: MIT Press, 2003, vol. 1, pp. 185–225.
- Elias N., *The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic Investigations*. Oxford; Malden, MA: Blackwell Publishers, 2000, 567 pp.
- Graham S. (ed.), *Disrupted Cities: When Infrastructure Fails*. New York: Routledge, 2010, 196 pp.
- Graham S., ‘When Infrastructures Fail’, Graham S. (ed.), *Disrupted Cities: When Infrastructure Fails*. New York: Routledge, 2010, pp. 1–26.
- Hill F., Gaddy C., *The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2003, 303 pp.
- Howes D., Classen C., *Ways of Sensing: Understanding the Senses in Society*. New York: Routledge, 2014, 200 pp.
- Humphrey C., ‘Rethinking Infrastructure: Siberian Cities and the Great Freeze of January 2001’, Schneider J., Susser I. (eds.), *Wounded Cities: Destruction and Reconstruction in a Globalized World*. Oxford; New York: Berg, 2003, pp. 91–107.
- Humphrey C., ‘Ideology in Infrastructure: Architecture and Soviet Imagination’, *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 2005, vol. 11, no. 1, pp. 39–58.

- Kharkhordin O., Alapuro R., Bychkova O. (eds.), *Infrastruktura svobody. Obshchie veshchi i Res Publica* [The Infrastructure of Freedom: Public Things and Res Publica]: A collective monograph. St Petersburg: EUSP Press, 2013, 352 pp. (Res Publica Series, 8). (In Russian).
- Larkin B., 'The Politics and Poetics of Infrastructure', *Annual Review of Anthropology*, 2013, vol. 42, no. 1, pp. 327–343. doi:10.1146/annurev-anthro-092412-155522.
- Little R. G., 'Managing the Risk of Cascading Failure in Complex Urban Infrastructures', Graham S. (ed.), *Disrupted Cities: When Infrastructure Fails*. New York: Routledge, 2010, pp. 27–39.
- Mains D., 'Blackouts and Progress: Privatization, Infrastructure, and a Developmentalist State in Jimma, Ethiopia', *Current Anthropology*, 2012, vol. 27, no. 1, pp. 3–27. doi:10.1111/j.1548-1360.2011.01124.x.
- Porcello T., Meintjes L., Ochoa A. M., Samuels D. W., 'The Reorganization of the Sensory World', *Annual Review of Anthropology*, 2010, vol. 39, no. 1, pp. 51–66. doi:10.1146/annurev.anthro.012809.105042.
- Reid S. E., 'The Meaning of Home: "The Only Bit of the World You Can Have to Yourself"', Siegelbaum L. (ed.), *Borders of Socialism: Private Spheres of Soviet Russia*. New York: Palgrave Macmillan, 2006, pp. 145–170.
- Seremetakis C. N., 'The Memory of the Senses: Historical Perception, Commensal Exchange and Modernity', *Visual Anthropology Review*, 1993, vol. 9, no. 2, pp. 2–18.
- Seremetakis C. N., 'The Memory of the Senses, Part I: Marks of the Transitory', Seremetakis C. N. (ed.), *The Senses Still*. Boulder: Westview Press, 1994, pp. 1–18.
- Seremetakis C. N., 'Divination, Media, and the Networked Body of Modernity', *American Ethnologist*, 2009, vol. 36, no. 2, pp. 337–350. doi:10.1111/j.1548-1425.2009.01138.x.
- Taussig M. T., *The Nervous System*. New York: Routledge, 1992, 207 pp.
- Thompson N., *Settlers on the Edge: Identity and Modernization on Russia's Arctic Frontier*. Vancouver: UBC Press, 2008, 289 pp.
- Tonkiss F., 'Afterword: Economies of Infrastructure', *City*, 2015, vol. 19, no. 2–3, pp. 384–391. doi:10.1080/13604813.2015.1019232.
- Trubina E., "'Po-bolshomu": gorodskaya infrastruktura i vlast nad prostranstvom' [The Big Necessity: Urban Infrastructure and Power over Territory], *Neprikosnovennyi zapas*, 2014, vol. 2, no. 94, pp. 175–196. (In Russian).
- Volkov V. 'The Concept of *kul'turnost*': Notes on the Stalinist Civilizing Process', Fitzpatrick S. (ed.), *Stalinism: New Directions*. London; New York: Routledge, 2000, pp. 210–230.
- Zamiatina N. Yu., 'Zona osvoeniya (frontir) i ee obraz v amerikanskoj i russkoj kulturakh' [The Development Area (Frontier) and Its Image in American and Russian Cultures], *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, 1998, no. 5, pp. 75–89. (In Russian).
- Zvereva G., 'Vechnaya Voyna' [The Eternal War], *Kriticheskaya massa*, 2005, no. 2. <<http://magazines.russ.ru/km/2005/2/zv7.html>>. (In Russian).